

Даже без этого декольте я был бы в опасности преждевременного сердечного приступа. Сара была одарена бюстом 30F, который соблазнительно колыхался под плотной блестящей тканью, когда она вальсировала вокруг большой кровати. Взгляд в ее глазах, признание моей реакции, столь нескромной, говорили о взаимном одобрении.

Я просто не мог понять, одет я чересчур или нет. Не стоит беспокоиться, подумал я. Я решил, что это лучше, чем тесниться на диване, как два тюленя на уменьшающемся леднике", - объяснил я.

Она забралась на кровать, пробираясь на четвереньках - и несколько дразняще - к середине кровати, а затем свернулась калачиком и потребовала вина. Я протянул ей оба бокала, почти напрягаясь, чтобы дотянуться до нее, а затем подошел вплотную и оперся локтем на ее бок, чтобы выпить свой.

"Мне нужно это в моей жизни", - с тоской сказала она.

Новых мужчин в вашей жизни нет?

"Нет", - радостно ответила она, потягивая вино и наслаждаясь комфортом нового жесткого матраса кровати. "Нет никого стоящего", - коротко объяснила она, а затем: "Я так понимаю, что в последнее время ты не думаешь о женщинах и отношениях".

"Ну, не то чтобы я не думал, - сказал я небрежно, - но я не из тех, кто возвращается, и я просто не знаю, смогу ли я заставить себя доверять кому-то сейчас".

Я быстро осушил свой бокал и откатился к прикроватной тумбочке, чтобы оставить его там, затем предложил ей еще вина, на что она удовлетворенно покачала головой. Затем я вернулся к матери. "Мне грустно", - сказала она.

'Не грусти за меня', - отмахнулся я.

Мне грустно за нас обоих", - сказала она. Я придвинулся ближе, чтобы прижать ее к себе. Свежий, цветочный аромат ее кожи и волос, увлажняющего крема, которым она пользовалась, и ее естественный запах был тонким, но пьянящим. Он оказывал на меня чудесное воздействие, как и ощущение того, что она снова рядом со мной.

"Некоторые дураки не знают ничего хорошего, даже когда оно прямо у них под носом", - пробормотал я.

Угу", - согласилась она, пристально глядя на меня из-под носа. У тебя ведь нет такой проблемы, милая?

'Конечно, нет, мама. А у тебя? Я игриво подтолкнула ее, неожиданно перевернув на спину и впившись кончиками пальцев в ее ребра. Она громко рассмеялась и попыталась бороться с моим незаметным движением, потянув меня на себя, и внезапно я очень хорошо осознал, как наши тела прижаты друг к другу.

Тогда я поцеловал ее так, как она поцеловала меня раньше на кухне, безоговорочно и без каких-либо реальных границ, но не насильно. Возникло чувство радости. Старые чувства всплыли на поверхность.

Я слишком хорошо знал выражение ее глаз, выражение чувств, ушедших слишком давно, но никогда не забытых. "Смотришь слишком долго, и у тебя может появиться косоглазие", - сказала она неуместно и начала смеяться. Затем, мурлыча, она попросила еще один поцелуй и с одобрением потребовала, чтобы я прижал ее ближе. Я так и сделал, подстраивая контур своего тела под ее, и мы обнялись и завели светскую беседу.

Время шло...

Я скучала по тебе", - сказала она с блеском в потемневших глазах. Без таких вещей было труднее всего жить или пытаться заменить их".

Еще два бокала вина были опустошены, и мы стали сентиментальными. Мы нежно обнялись, тела прижались друг к другу бок о бок, щека к щеке. Я не знал, как моя рука заставила заднюю часть ее пеньюара приподняться над изгибом ее попы, но я понял, что она была в нижнем белье, когда моя ладонь легла на ее оголенный копчик.

Я тоже скучал по тебе, и по всему этому", - подтвердил я, теперь уже более приятный, чем просто возбужденный.

'По чему еще ты скучаешь?' - спросила она.

'Я скучаю по тому, что меня это не так сильно заботит', - сказал я и вздохнул. Она крепко сжала мои руки, ее глаза выражали беспокойство, когда они искали мои.

'Ну тогда не заботься так сильно', - просто сказала она. Затем настойчиво спросила: "Чего еще тебе не хватает?".

Я знал, к чему она клонит. Я не мог сдержать себя, как ни старался. На моих губах появилась ухмылка, я перевернулся на спину и стал изучать слабые трещины на потолке. Я мгновенно осознал, что одна плоская рука теперь гладит мой плоский живот, делая маленькие круги взад и вперед в направлении нижней части живота. Мне тоже этого не хватает...

"А я-то в какой-то момент подумал, что она превратила тебя в ханжу". Ирония в этих словах...

Хотя Кэрол стала фригидной за последние два года, там, где я прилагал усилия, она трахалась с кем-то другим за моей спиной. Это заставило меня усомниться в правильности принципов, которые я так старательно поддерживал.

Под своими трениками я почувствовал, как начинаю напрягаться и приподниматься. Представьте себе, что ваша собственная мать может оказать такое влияние, и вам даже не нужно было скрывать это. Я мог бы попытаться скрыть это, но она знала, что она сделала со мной. Это было продолжением того, кем и чем мы теперь являемся как семья, хотя мы пытались остановить это и быть обычными, скучными матерью и сыном.

В конце концов, я думаю, мы те, кем ты всегда был; все мы". "Может, ляжем в постель?" спросил я.

'Это все, на что я гожусь?' - мечтательно спросила она.

5

Где-то ближе к вечеру я пришел в себя и обнаружил, что мама беспокойно шевелится под одеялом. Под одеялом было жарко. Благодаря алкоголю мы заснули в обнимку, тесно

прижавшись друг к другу. Открыв глаза, я увидел лишь черный силуэт ее лица, изгиб ее горла, а затем, когда она отодвинула одеяло, бугорок ее груди. Затем она поправила бретельки своего пеньюара, но несколько неловко.

"Ты в порядке?" пробормотал я.

Мне очень жаль, дорогой, - прошептала она. Не могла бы ты включить прикроватную лампу? Я не имею ни малейшего представления, что я делаю...

Сонно перевернувшись на другой бок, я ухватился за основание лампы и нащупал выключатель, шурясь, когда лампочка вспыхнула и ослепила меня. Рядом с лампой часы показывали четверть третьего. Я обернулась назад, чтобы увидеть такое зрелище, от которого у меня вылезли глаза.

Мама как-то скрутилась в своем пеньюаре, бретельки упали, оставив обнаженную светлокожую грудь 30F, выпирающую из выреза. Я просто сниму его, - рассеянно сказала она. Здесь и так достаточно жарко...

Затем она откинула одеяло, чтобы показать свои обнаженные бедра, бедра и аккуратно подстриженный треугольник темно-светлого меха над киской. Выскользнув из пеньюара, я лежал, замороженный ярким напоминанием о том, какой желанной она всегда была.

Есть ли что-нибудь, что я могу тебе принести? послушно спросила я. Мама покачала головой, мечтательно глядя на меня, затем взяла мою руку в свою. Мне сейчас очень жарко, - сказала она, а затем: "Вот, потрогай..."

Она взяла мою руку и положила ее на свой мягкий, гладкий живот, глядя свободной рукой мое предплечье. 'Тебе тоже жарко', - заметила она. В этой одежде ты, наверное, закипаешь".

"Ну, в последнее время я сплю только голым, - заметил я, - так что мне довольно тепло...

Я задремал, наблюдая, как она поднимает мою руку от живота к ребрам, а затем переходит от одного локтя к плечу. По пути тыльной стороной ладони я коснулся боковой поверхности одной большой груди, оставив глаза изучать слабый блеск и сияние ее молочной кожи. Ее соски были все еще розовыми, хотя, возможно, более темного оттенка.

Приятно спать голым. Хорошо полагаться на тепло тела", - настаивала она, хотя я уже был в курсе. Снимай свою одежду. Я голая. Ты тоже можешь быть голой", - предложила мама. Мы можем прижаться друг к другу".

Я без колебаний снял футболку, затем поднял спину с кровати и застегнул пояс тренировочных штанов. Все это время она наблюдала, как все больше кожи появляется на виду. Когда мой член выскочил наружу, полуэрегированный и растущий, ее охватил тоскующий взгляд. Тогда она потянулась ко мне и обхватила меня: бедро плавно скользнуло по бедру, руки обвились вокруг моей шеи и притянули мою голову к своей груди.

Я нежно сжал губы, чтобы поцеловать ее разгоряченную сном плоть, и услышал ее вздох. Но я все равно рос и рос, и ее бедра выгибались, поглаживая меня по лобку в ответ. Моя мама - другой такой не было, и никто в мире не смог бы понять, что у нас было.

"Как хорошо", - вздохнула она, когда я снова поцеловал ее грудь, вдыхая и выдыхая на нее. Можно я тебя поцелую?" - спросила она, ослабляя свою хватку.

Конечно, можно, мама, - сказал я, поднимая голову, пока мы не оказались лицом к лицу и в сантиметрах друг от друга. Мы смотрели друг на друга, ее руки гладили мою щеку и шею, а затем ее губы разошлись, чтобы соединиться с моими, ища меня невысказанным вопросом. Наши губы снова разошлись, но только для того, чтобы ее губы вернулись с нетерпением, чтобы сделать ее послание ясным. И все же я прижался к ней.

Могу я поцеловать тебя в ответ? спросил я. Она кивнула, ее глаза оставались на моих, широкие и всепонимающие, и когда я придвинулся к ней, наши рты открылись, и наши языки начали танцевать и извиваться, как змеи - томно, соблазнительно, сексуально...

6

Время стало как в тумане, пока мы целовались и сладко говорили друг о друге, возрождая нашу утраченную кровосмесительную страсть. Ее секс прижимался к моему, когда мы двигались вместе, увлажняя меня своей похотливой любовью ко мне. И хотя было неизбежно, что мы направляемся к акту любви, запрещенному и порицаемому большинством, все же сомнений быть не должно.

Она остановила меня в муках страсти, ладонь моей руки была мокрой от соков ее киски, воздух благоухал ее возбуждением, а ее рука тоже была липкой и влажной вокруг ствола моего твердого члена. 'Я хочу этого', - сказала она, сильно толкая меня. 'Ты будешь трахать меня, как раньше?'

"Ты хочешь, чтобы я был в тебе? спросил я. Она кивнула, умоляя, как изголодавшаяся нимфоманка.

Я мечтала о том, как ты трахал меня, я была одержима ощущением тебя, твоим видом", - безнадежно пролепетала она. Пожалуйста, Боже, я хочу этого и хочу тебя!

Похоть взяла верх, чистая и неумолимая, как сила природы. Как выстрел, я оказался на полпути вниз по кровати, раздвинув ее бедра, куда я нырнул, как утка в воду. Соки ее киски, смазка собственного сексуального возбуждения моей матери, были восхитительны; одновременно соленые и сладкие. Мне нужно было, чтобы ее влажность была на моем лице. Мне нужно было, чтобы она видела и чувствовала меня, когда я водил горячим языком по ее вульве и половым губам и дразняще поглаживал ее выпуклый клитор.

<http://erolate.com/book/3014/70866>